

Неделя, 1998, июнь, № 23

В неоновых
джунглях

Первого июня нынешнего года ей исполнилось бы пятьдесят семь лет, если бы не...

По поводу этого «если бы не» существует несколько версий. В августовском номере «Недели» за 1962 год в статье «Отравилась или затравили? Трагический конец Мэрилин Монро» я писал: «Голливуд породил и убил Монро»... Уильям Рэндольф Херст-младший в газете «Нью-Йорк джорнэл Америкэн», в которую он позже пропал, как будто бы соглашался со мной: «Монро вошла в джунгли, именуемые Голливудом, и Голливуд переделал ее по своему образу и подобию». Но совпадение наших точек зрения было кажущимся. Вернее, они шагали нога в ногу лишь до определенного верстового столба. В своем «Post mortem»¹ я выходил за порог «фабрики снов»: «Да, Голливуд породил и убил Монро. Но кто породил сам Голливуд?» Херст останавливался на пороге «фабрики снов», спотыкался о него, не хотел или отказывался шагнуть в явь. (Любопытно, что думает он об этом сейчас, умудренный трагическим опытом своей дочери Патриции, независимо от того, была ли она насильственно похищена экстремистами или сама примкнула к ним, прокляв отца и мир, в котором он носит корону газетного короля?)

Писательница Клэр Бут Люс решительно отвергала мою версию. На страницах принадлежавшего ее супругу журнала «Лайф» госпожа Люс иронизировала над моим утверждением, что драма Монро «вышла за рамки личного и приобрела социальные отзвуки». Госпожа Люс пыталась приклеить к этой драме психоаналитическую бородку венского доктора Фрейда, подменив ею кинообразную бороду дядюшки Сэма. «При всей загвоздке жизни Мэрилин», — утверждала Люс, — «наипростейший урок, который можно из нее извлечь, состоит в том, что детям нужны родители или люди, которые могут заменить родителей, и что они должны не только любить детей, но относиться с любовью и уважением друг к другу. Без этого величайшего для ребенка блага — счастливой семьи — потом в зрелом возрасте людям трудно справиться с любовью из двух обманчиков — неудачей или успехом... Золушка живет счастливо только в сказке. В жизни же, какие ее одежды она ни надевала (или ни снимала), ее сердце остается наполненным горечью и ее душа испачкана золой, которую она выметала в детстве».

Госпожа Люс намекала на тяжелое детство Монро. Да, оно и впрямь было беспросветным: отец — «прохожий молодец», мать — проститутка. Ребенок скинулся по приютам графства Лос-Анджелес. Иногда Мэрилин — тогда она еще звалась Нормой Джейн — пристравляли к «принемным родителям», и щедрые власти графства Лос-Анджелес платили им за ее содержание двадцать долларов в месяц. Норме Джейн — тогда она еще звалась Мэрилин — было всего восемь лет, когда в одном из этих «родительских домов» ее соблазнил престарелый жилец, перед которым заискивали хозяева. Он был самым состоятельным, а следовательно, самым выгодным квартиро-съемщиком. Старик с тяжелой золотой цепью на солидном брешке. Он дал молоденькой Мэрилин, «чтобы она никому не говорила». Но девочка рассказала об этом своей приемной матери. Так жестоко наказала ее за вранье о «достойном человеке». Сворачивая старым развратником, избитая «приемной матерью», Мэрилин стала заикаться. (Она так и не избавилась полностью от этого, простите за выражение — в контексте, «дефекта речи»). В девять лет ее определили в очередную приют, где она занималась за гроши работой судомойки и ассенизатора...

Итак, Золушка, беспризорница... Где-то — до какого-то верстового столба, как и Херст, — госпожа Люс была, конечно, права. Нет спору, детям нужны любящие родители, счастливые семьи. Но разве не утверждал тот же самый Херст после таинственного исчезновения своей дочери, что их семья была счастливой, что он и его жена были любящими родителями? И, быть может, в обычном, житейском смысле слова мистер Херст не кривил душой, говорил правду. Нет, «загвоздка жизни», пользуясь выражением госпожи Люс, не только эта и не столько в этом. Разве объяснишь бородой Фрейда пропасть между поколениями, превратившую Америку в треснувшую дрейфующую льдину? И не надо быть парикмахером, чтобы отличить бороду дядюшки Сэма от всклокоченных бород битников и хиппи. Много лет спустя (Клэр Бут Люс атаковала меня в «Лайфе» за 7 сентября 1962 года) я взял у нее реванш, попросив ее объяснить «пропасть» при помощи «загвоздки». И гранд-дама американского журнализма, Чарская американской лите-

ратуры, бывший посол Соединенных Штатов в Риме, хранительница бриллиантов и морали империи Люса, объявившего двадцатое столетие «веком американизма», капитулировала. Мой полемический дар был тут ни при чем. Просто на дворе стоял 1970 год — год вторжения в Камбоджу, год расстрелов в Кенте и Джэксоне, год всеобщей забастовки ведущих университетов Америки, где в основном как раз и обучаются «любимые дети» из «счастливых семей». Наипростейший урок обернулся наисложнейшим...

А беспризорность? Что ж, беспризорных было много и на Руси после войны и революции. Но вместо «Асфальтовых джунглей» — первый фильм, в котором прославилась Мэрилин Монро, — мы ставили «Путевку в жизнь». Сформулированная госпожой Люс «доктрина Монро» о невмешательстве «социальных отзвуков в рамки личного» оказалась несостоятельной...

Существует, разумеется, еще одна версия гибели «богини любви ядерного века»

продюсер некоторых фильмов Монро, анонсировал очередную ее биографию. А Слэтцер в свою очередь обогатил Монро открытием еще одной «тайной связи» голливудской кинозвезды, связи, которая якобы также чуть было не привела к браку. Он утверждает, «со слов Мэрилин», что Роберт Кеннеди был влюблен в нее, встречался с ней и обещал жениться на ней. Итак, крупнокалиберная сенсация и, возможно, с двойным дном. Ведь речь идет о покойном сенаторе Кеннеди, занимавшем в те годы пост министра юстиции в кабинете своего брата — президента США Джона Фитцджеральда Кеннеди.

Сенсационный дуэт, составленный Слэтцером, звучит скорее криминально, чем романтично. Слэтцер подозревает «нечто неладное» в методах лечения Мэрилин Монро незадолго до ее смерти — она страдала бессонницей и нервным расстройством — и ставит под сомнение результаты вскрытия. Он требует проведения нового расследования дела о гибели

ство характера», а посмертно — и к его братьям. Ведь легенда о них — весомый капитал последнего из оставшихся в живых наследников клана мультимиллионера Джозефа Кеннеди.

Однако вернемся к Мэрилин Монро. То, что творят сейчас с ее именем и памятью литературные стервятники, — это эксгумация. Но почему их жертвой стала именно она? По той же причине, по которой воры, специализирующиеся на ограблении могил, копают там, где пахнет наживой. Эксгумация в данном случае побочный продукт возрождения широкого общественного интереса к Монро — ее личности и творчеству. На этом интересе как раз и паразитируют стервятники.

Но тут неизбежно возникает второй вопрос: чем объяснить само возрождение интереса к «богине любви ядерного ве-

Монро и выдвигает еще одну версию трагического «если бы не»: «богиня любви ядерного века» не начала жизнь самоубийством, ее убили! (Намек на эту версию, но в менее категоричной форме, содержится и в книге Майлера).

Если было убийство, значит, были и убийцы — заинтересованные лица и прямые исполнители, и, разумеется, мотивы убийства. Слэтцер конструирует свою сногшибательную версию одновременно прозрачно и осторожно: тень подозрения — как ни крути и ни верти — ложится на Роберта Кеннеди, однако схватить за жабры и привлечь автора сенсации за клевету почти невозможно. Он ловко ускользает в заводи недоумков. Так, например, Слэтцер ссылается на «свидетелей», якобы говоривших, что они якобы видели, как министр юстиции был на вилле в Брентвуде вместе с врачом-психиатром Монро в день ее смерти. Что они там делали? Что искали? «Опывшийся жиром тупица», как величает Грин Слэтцера, не столь уж туп, чтобы прямо отвечать на подобные вопросы. Вместо этого он предлагает рассказ о дневнике Мэрилин, содержавшем интимные подробности ее романа с Робертом Кеннеди и некоторые, с позволения сказать, экскурсы в политику.

Повторю, слэтцеровская сенсация была с двойным дном. Зная нравы современной Америки, нельзя полностью исключить вероятность того, что мотыль бульварщины насажен на крючок политики. Недаром первые откровения «оплывшего жиром тупицы» появились еще на дальних подступах к президентской кампании 1976 года. Мэрилин Монро — альбатрос на шее Роберта Кеннеди служил идеальной парой для Мари Джо Копечне — альбатроса на шее его брата Эдварда. Труп этой девушки в любой момент грозит всплыть на изуродованную рябью поверхность политической жизни США из глубин залива Пуэдж, отсекающего островок Чаппаквиддик от континентального массива штата Массачусетс, как только сенатор, представляющий этот штат на Капитолии, делает попытки перебраться из своего джорджтаунского особняка в Белый дом.

В английском языке имеется великолепное по образности, точности и лаконичности идиоматическое выражение, которое в приблизительном переводе звучит как «клевета на личность», а в прямом переводе — как «убийство характера». Но для полного раскрытия смыслового значения этой идиомы необходимо, как минимум, пропеть от начала до конца всю знаменитую арию донна Базилио о клевете из «Севильского цирюльника» Россини. Политическое убийство — палка о двух концах. Физически устранив соперника, ты можешь — неровен час — вновь возродить его в легендарном облике, особенно если он зовется Кеннеди. Пуля пробивает мозг, но одновременно создает ореол вокруг твоей головы. Так было с Джоном, так было с Робертом. Так не должно быть с Эдвардом. Поэтому противники и соперники усиленно применяют к нему «убий-

ский ассортимент. Вот почему движение за равноправие полов сопровождается борьбой против так называемого «мужского шовинизма».

В этой борьбе много абсурдного, много рекламного, много переклеста (скажем, полное отрицание любви, являющейся якобы лишь замаскированной формой рабства; требование реформировать грамматику, чтобы выполоть из нее «сексизм»; почему, например, бог — он? Почему все мужчины мистеры, а женщины — в зависимости от их семейного положения — или мисс, или миссис? И так далее). Но в основе своей это — справедливая борьба. Для того чтобы драматизировать ее, активистки особое внимание концентрируют на протестах против использования женщин в рекламном бизнесе и шоу-бизнесе. Они призывают бойкотировать товары, рекламируемые при помощи эротических плакатов, проспектов, роликов. Они пикетируют кинотеатры, ночные клубы, стриптизы, дома моделей, редакции порнографических журналов, бизнес которых, если

шества «Лайфа», жена издателя которого так сокрушалась о неустроенном детстве Монро.

Я не собираюсь писать очередное житие Мэрилин Монро. Я хочу лишь объяснить или попытаться объяснить, почему именно она была провозглашена Жанной д'Арк, возведенной на костер «мужского шовинизма».

Тело Монро стало известно Америке благодаря календарю Бомгарта, имя — благодаря фильму «Асфальтовые джунгли». Здесь я вновь предоставляю слово Клэр Бут Люс, ибо стиль — сам человек: «Первый крупный успех Мэрилин в кино, — писала она, — относится к тому периоду, когда Артур Хорнблюу-младший и Джон Хэстон искали актрису на небольшую роль любовницы Луиса Сэлкерна в «Асфальтовых джунглях». Им нужна была блондинка с ангельским личиком и соблазнительной фигурой. Мэрилин пригласили на пробу, и Хорнблюу вспоминает, что она приехала, «напуганная до полусмерти» и одетая, как «дешевая проститутка». «Как

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ ЭКСГУМАЦИЯ?

пользоваться удачным неологизмом, — сексплуатация.

Нет баррикад без флага, нет религий без мучеников. Мэрилин Монро как нельзя лучше подходила на эту роль. Впрочем, слово «роль» здесь более чем неподходящее. Само собой напрашивается — властно и безапелляционно, как судебное «обжалованию не подлежит», — жизнь. Ведь писал же Пастернак о Мейерхольде: «Вы всего себя стерли для грима. Имя этому гриму — душа». Жизнь Монро — библия сексплуатации, ее символ. Вспомним хотя бы ставшую канонической историю со знаменитым фото Мэрилин из календаря Бомгарта — обнаженное тело молодой девушки. Фото вызвало пену бешенства на губах ханжеской Америки и слюнки сладострастия — на губах Америки развращенной. Это было в 1952 году. «Ни семьи, ни жилья, ни еды», — вспоминала о нем Мэрилин. Ни работы. И вот она соглашается позировать для порнографических журнальчиков. Модели дают пятьдесят долларов, фотографу — пятьсот, а добродушный и респектабельный издатель Бомгарт, мистер Джон Бомгарт, зарабатывает на этой клубничке около миллиона долларов!

«Золотая мечта» — так назвал Бомгарт скандальное фото. Золотая мечта! На заработанные в ателье порнографа пятьдесят долларов Мэрилин не создала семьи, не нашла ни жилья, ни еды. Она арендовала роскошный спортивный автомобиль и гоняла на нем, как бешеная, по Голливуду в надежде — о, золотая мечта! — что ее заметят и откроют. «Киноактриса без автомобиля — это паралитик без ортопедического кресла» — так поучали ее в асфальтовых джунглях. И Монро повезло. Старик Спиро Скурас, президент компании «XX век Фокс», ее заметил и, не сходя в гроб, благословил. (Он пережил свое открытие).

Я не собираюсь писать очередное житие Мэрилин Монро: о том, как она перекочевала из порнографического «Блю букс модел эйдженси» в Лос-Анджелес в конюшню Скураса; о том, как ей бросили кость — эпизодическую роль в глупейшем фильме «Скудда, хау! Скудда, эй!»; о том, как Скурас вышвырнул ее из «Фокса»; о том, как ее подхватила «Коламбия пикчерс» и сняла в «Хористе», халтурной ленте, сработанной за одиннадцать дней; о ее «романе» с режиссером Фредом Кэрджером, закончившемся первой попыткой самоубийства; о том, как Скурас вновь «заметил» Мэрилин и приковал ее золотыми цепями и крючкотворством контрактов к своей фирме, «поставил на консервацию», на авось, чтобы конкуренты не перехватили потенциальное лакомство или лакомую потенциальность, и так далее. К тому времени Мэрилин перекрасила свои русые волосы в золотистый цвет. Ее лицо, обрамленное локонами, отливавшими блеском благородного металла, ее роскошное тело, прославлявшее и посрамлявшее микроскопические купальники и узкие свитера, стали непременным атрибутом всех «журналов до мужчин» — от пикантного «Лика» до его святей-

только мы увидели ее, мы поняли, что она рождена для этой роли, — рассказывает он, — но нам пришлось сорвать всю шелуху, чтобы добраться до скрытой в ней девочки, до подлинного образа». На этот раз Голливуд искал не просто «мясо». Ему нужен был образ, который одновременно затронул бы сердце, пробудив нежность, и заставил бы быстрее бежать кровь — сочетание невинности и порочности, которое можно найти только в малолетней преступнице. Мэрилин были свойственны эти черты. Голливуд просто распознал их».

Просто распознал... Как просто! Шелуха, мясо... Как просто! Нежность и скотство... Как просто! А как же быть с Фрейдом, миссис Люс, со счастливым детством и любящими родителями?

Разве не любящие родители были у четырнадцатилетней Ланды Блэйр — пресупевающий бизнесмен из Коннектикута и его вполне добродушная жена? В отличие от Мэрилин Линда не знала ни сиротства, ни приютов. Ее не насильовали старики-развратники с золотыми цепочками по всему брюху, не избивали махеи и опекуны. Она не мыла грязную посуду в затрапезных кафетериях, не скребла унитазы в ночных притонах. Линда была вполне нормальным и здоровым подростком, увлекалась балетом и гимнастикой, занималась конным спортом, прилежно посещала приходскую церковь. Она была настолько нормальной, настолько «средней» американской девочкой, что ее даже снимали несколько раз в телевизионной рекламе.

В Линде не было от Золушки ни щепотки, ни горстки. И, тем не менее, любящие родители — мистер Джеймс и миссис Элинора Блэйр, не моргнув глазом, продали ее Голливуду — компании «Уорнер Бразерс», снимавшей фильм «Экскурсист» («Изгоняющий дьявола»). По сравнению с «Экскурсистом» «Асфальтовые джунгли» выглядят невинной забавой, ну, совсем не асфальтовыми джунглями, а таким вот загономчиком в парках на детских площадках, где в песочке, правда, не золотом, потешно копаются малыши карапузы. «Экскурсист» — это фильм о вселении дьявола в душу ребенка.

Голливудская ассоциация иностранной печати объявила «Экскурсист» лучшей картиной года — на дворе стоял год 1973-й — и одновременно «наиболее сексуальным, наиболее садистским фильмом» с наиболее похвальным диалогом». А благополучным супругам Блэйр все нипочем. Похажива? Для нашей дочери она, как латынь. Непонятна. «Поскольку в мире есть добро, должно существовать и зло», — философски замечает миссис Элинора. Что сказала бы по сему поводу миссис Люс?

Мэрилин в календаре Бомгарта была окрещена «Золотой мечтой». Линда за игру в «Экскурсисте» получила премию «Золотой глобус». Мечта Мэрилин и глобус Линды вращаются вокруг одной оси. Сбывается пророчество Мефистофеля: люди гибнут за металл. А не от лошадиной дозы снотворного...

¹ Post mortem — заключение о смерти (лат.).

² Я сплю лишь с «Шанелем» № 5 — знаменитая реклама знаменитых духов. Ее обычно печатали под фотографией Мэрилин Монро.